

УДК 130.2

С.Г. Сычева

**В.И. ИВАНОВ, А.Ф. ЛОСЕВ И М.С. АЛЬТМАН:  
УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ**

*В статье исследуются творческие отношения между одним из ведущих поэтов и теоретиков символизма Вячеславом Ивановичем Ивановым и его последователями и учениками – Алексеем Лосевым и Моисеем Альтманом. Они лично знали Вячеслава Иванова, он был их наставником в поэзии и прозе. Лосев получил от него ценные рекомендации по дипломной работе, посвященной Эсхилу, Альтман записал беседы с Вячеславом Ивановым в Баку в 1921–1922 гг. Показана духовная преемственность поколений российских ученых: Лосев под влиянием Иванова создал свой многотомный труд «История античной эстетики», Альтман стал известным советским филологом.*

Ключевые слова: Серебряный век, символизм.

А.Ф. Лосев является прямым последователем и учеником Вячеслава Иванова. Он не воспринимал его ни как поэта, ни как эстета, ни как историка, ни как философа – по отдельности. Он видел все эти аспекты творчества Иванова в неразделимом синтезе, в глубоком единстве и всесторонности. В то же время Лосев высоко ценил поэтический дар Иванова, называл его «мировым поэтом» [1. С. 139].

Ю.А. Ростовцев попросил Лосева вспомнить тот день, когда он стал «членом соловьевского философского кружка». Лосев ответил, что в августе 1911 г. он приехал в Москву из Новочеркасска и, будучи «глухим провинциалом» [1. С. 140], ничего не знал о «религиозно-философском обществе памяти Владимира Соловьева». Однако 11 октября 1911 г. он уже присутствовал на заседании, мог общаться с Вяч.Ив. Ивановым, Е.Н. Трубецким, Вл.Эрном. Лосев, конечно, читал их книги. Но живое общение с «кумирами» произошло впервые в этот день. Лосев говорил об Иванове: «Иванов читал блестяще. У него такой необычный язык, самостоятельный совершенно, такой мистический, но очень понятный и очень интимный. Мне, во всяком случае, это страшно понравилось» [1. С. 140–141].

После поступления в Московский университет Лосев познакомился со многими богоискателями и символистами, которых раньше знал только по книгам. Он оказался в центре философского кружка, связанного с творчеством В.С. Соловьева, хотя и не считал себя его «членом», а лишь «постоянным неофициальным посетителем» [1. С. 141]. Из всей ученой среды он особо выделял Вячеслава Иванова: «Личность, не сводимая ни на какие другие характеристики» [1. С. 141].

Лосев говорил об Иванове, что это крупный ученый и, несомненно, поэт, отмечал напевность его языка, сожалел, что не был его учеником «в буквальном смысле» [1. С. 142]. Учился он по книгам поэта – и поэзии, и филологии, и философии, и космологии. Самым важным, постоянно подчеркивает Лосев, было *единство* всех этих аспектов творчества Иванова.

Философия, религия, история – все присутствовало в стихах поэта, одно невозможно было отделить от другого. «Поэтому, – пишет Лосев, – я целую жизнь являюсь сторонником Вячеслава Иванова, являюсь его учеником» [1. С. 143].

Иванов – «книжный», сложный мыслитель. У него слишком глубокомысленные тексты для того, чтобы быть популярным. Таким Иванов, по мнению Лосева, не будет никогда.

Лосев дал на прочтение Иванову свою дипломную работу «Мировоззрение Эсхила». Иванов прочитал, сделал важные замечания, которые молодой исследователь учел. В целом отношение было положительное [1. С. 144].

В беседе с Виктором Ерофеевым в 1985 г. журналист спросил, кого Лосев считает своим учителем? Тот ответил: «Вяч. Иванова» [1. С. 145]. Говоря о влиянии Иванова на свое творчество, Лосев замечал, что поэзия Вяч. Иванова подвигла его на изучение Античности. Лосев об этом не говорит, но, на наш взгляд, он позаимствовал у поэта сам метод мышления – скрупулезное, аналитико-синтетическое постижение предмета, стремление достать «до дна», не оставляющее без внимания мельчайшие детали, с опорой на энциклопедизм в области знания.

Сам Лосев говорил, что в любом, даже архаическом тексте он видит символ (у Платона или у Плотина, например), а символизм для Лосева, как и для Иванова, не фантазия, а высший реализм [1. С. 146].

Говоря о модерне, Лосев не забывает о символизме. Думается, Лосев имел в виду рассуждения А. Белого из статьи «Эмблематика смысла», когда замечал, что символисты любили погружаться в прошлое величайших культур, и идеи Иванова, когда писал о желании отдельных поэтов-символистов не просто выразить словами древние символы, но и ввести архаическое искусство с его принципами в реалии «современной жизни» [1. С. 156].

Лосев анализировал оценку Ивановым творчества В. Соловьева. На первом месте у философа – понятие «соборность». Все основные пласты культуры спаяны воедино, представляют собой одно целое. Лосев довольно подробно исследует статью Иванова «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания». В этой статье также сближаются символизм и реализм – именно на примере творчества Соловьева. Разумеется, речь идет обо всем, в том числе и поэтическом, творчестве философа. Когда Лосева спрашивали, что самое главное в мировоззрении Вяч. Иванова, он отвечал: синтез «родного» и «вселенского».

Мы уже говорили о том, что Вл. Соловьев юмористически относился к декадентству, писал пародийные стихотворения. А между тем сами символисты считали себя его учениками. В этом смысле от Вл. Соловьева отличался о. П. Флоренский: В.И. Иванов, А. Белый, В.В. Розанов называются им «гениальными людьми» – по свидетельству Иванова [1. С. 159].

Творческие отношения между Ивановым и Лосевым в нашей литературе изучаются, но, может быть, с недостаточной полнотой. А.А. Тахо-Годи пишет, что такое исследование – «дело будущего» [2. С. 272].

Как уже было сказано, Лосев познакомился с Ивановым в 1911 г., когда учился в Московском университете на отделениях «классической философии и философском» [2. С. 272], на первом курсе. Тогда Лосев уже написал про-

граммный труд «Высший синтез как счастье и ведение», под сильным влиянием Соловьева. Он объединял осмысление различных культурных феноменов (добра, истины, веры, красоты). В 1915 г. на заседании общества памяти Вл. Соловьева Иванов сделал доклад о Платоне, его диалогах «Парменид» и «Тимей». Доклад был воспринят слушателями положительно.

А.А. Тахо-Годи описывает подробности общения Лосева с Ивановым, связанные с дипломной работой «О мирозерцании Эсхила». В этот период, в 1915 г., Лосев уже был сложившимся теоретиком символизма и мифологии. В дипломной работе речь шла о героях Эсхила, переживающих трагические моменты судьбы «со страхом и ужасом», со страданием, дионисийским по существу. Конечно, эти мотивы были близки Иванову; он посмотрел текст, сделал важные замечания, которые Лосев принял во внимание. В целом работа получила одобрение поэта.

Одно из важных обращений Лосева к творчеству Иванова произошло на страницах книги «Проблема символа и реалистическое искусство» [3. С. 241–246], где он писал об образе Прометея у Иванова в трагедии поэта «Прометей». По глубине раскрытия древнего мифа, интерпретации образа героя Лосев ставит Иванова рядом с «античными неоплатониками» [2. С. 280].

Мы остановились на небольшой статье Тахо-Годи потому, что очень важна концовка этого текста. Она пишет о сходстве Иванова и Лосева: «Оба они филологи-классики, оба – поэт и философ – получили степень доктора филологических наук <...> оба они глубочайшие мифологи. Оба они символисты, искатели высшей реальности в безднах бесконечности символа символов. Оба они, в конце концов, остались в вечности как “Поэты духа”» [2. С. 281].

В.В. Биbihин вспоминал, что в одной из бесед по русской литературе Лосев огромное значение придавал стихам Вячеслава Иванова, его сборникам «Cor ardens», «Прозрачность», «Кормчие звезды», «Свет вечерний» [4. С. 284]. Он ставил Иванова выше Пушкина: «Из символистов многие хороши, конечно, и лучше всех Вячеслав Иванов. Данте 20-го века. Ученый поэт, такой, что Пушкину и не снилось. Простоту я не люблю» [4. С. 283].

Подводя итог теме «Иванов и Лосев», следует заметить, что еще одним великим учителем Лосева был Фридрих Ницше, к которому Лосев пришел, по-видимому, через Иванова. Заметно влияние немецкого философа, его книги «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм» на «Истории античной эстетики» Лосева, например, это становится очевидным при сравнении описаний Сократа Ницше и Лосевым – очень много общего. Принципиальным здесь является воздействие «Эллинской религии страдающего бога», написанной Ивановым под влиянием Ницше. Возможно, что Лосев пришел к Ницше через Иванова.

7 ноября 1920 г. Иванов в Баку, в Драматическом театре читал доклад о Лье Толстом на 10-й годовщине со дня смерти писателя. Там он познакомился с М.С. Альтманом, который стал его студентом по Бакинскому университету. Впоследствии Моисей Альтман стал известным советским филологом. Мы обратимся к его тексту «Разговоры с Вячеславом Ивановым» (1921–1922) [5], написанному по примеру «Разговоров с Гете» И.П. Эккерма-

на. Отношение Альтмана к Иванову было восторженным, что передают его строки:

Хвала всем спутникам моей судьбы,  
Тебе ж еще любовь и благодарность,  
Что темному явил ты светозарность  
И буйство умиряешь без борьбы.

(М.С. Альтман. Вячеславу Иванову. 8.03.1921)

Эти стихи могли бы стать эпиграфом ко всем беседам Альтмана с Ивановым.

Затрагивались разные темы: религиозные, философские, поэтические, историко-культурные. Рассмотрим беседы на темы о русском символизме.

16 января 1921 г. по просьбе Альтмана Иванов высказывает свое мнение о В. Брюсове. Иванов называет его «огромным талантом», но отмечает, что он некорректно относился к своей музе, «изнасиловал» ее [5. С. 25], словно бил ее кнутом, как Некрасов. И далее Иванов замечает: «Какой-то эмпирический (не метафизический) тяготеет над ним грех, и Брюсов служит Злу» [5. С. 25].

Что касается Блока, то его Иванов называет «первым из современных русских лириков» [5. С. 25]. Это очень личный, нежный, интимный поэт. В отличие от Андрея Белого, который в поэзии – только «экспериментатор», хотя в прозе – гениален.

На следующий день Иванов признается, что в свое время любил Брюсова, но потом разочаровался в нем, так же как и в Блоке: «Да и Блоком я недоволен. Он тоже “пошел в народ”, становится Некрасовым» [5. С. 27]. И далее сокрушается, что за совсем короткий промежуток времени русский символизм исчерпал себя, не выполнив своего предназначения. Что касается его самого, то Иванов называет самым лучшим своим произведением «Тантала», об остальном судить отказывается: он так далеко ушел от своего раннего творчества, так изменился – словно умер: «Мой суд – из могилы: оттого он такой суровый. Да, может быть, я действительно умер. Во всяком случае, когда я ни читаю из современников, все не то» [5. С. 28].

23 января 1921 г. говорили о декадентстве. Его сущность виделась Иванову в том, что оно часть ставит на место целого, тем самым разлагая целое – «это и есть начало зла, служение дьяволу» [5. С. 38]. Таков Брюсов.

10 февраля речь зашла о футуристах: Иванов резко критиковал их мировоззрение. Он сравнивал их с Бодлером: Бодлер тоже описывает падаль, но отстраненно. Футуристы же погружаются в нее, растворяются в ней, сливаются с ней. Что выше: идеал искусства или природа? Иванов отвечает: «Я стою за идеал, и человек для меня выше червя» [5. С. 49].

По поводу себя самого Иванов замечает (12 февраля 1921 г.), что ставит себя на первое место среди современных русских поэтов: выше Бальмонта, Брюсова, Блока, Белого. И это – правильно, поэт должен чувствовать свое превосходство над современниками, некое «самообольщение», первенство: «И иначе быть не может. Сознывая себя вторым, я бы умер, не мог бы больше писать» [5. С. 51].

10 августа 1921 г. речь зашла об отношении Вл. Соловьева к ранним декадентам. В частности, Альтман процитировал философа, который сказал о

Брюсове примерно так: «Если Брюсову более 14 лет, из него ничего не выйдет». Альтман полагал, что Соловьев недооценил Брюсова, но Иванов с ним не согласился: «Он (Брюсов. – С.С.) – от отца лжи, он проституировал поэзию, отвлекая ее форму от живого содержания» [5. С. 76].

20 августа Иванов высказывался подробно о Н. Гумилеве и его трагической гибели – «гнусном убийстве»: «Я очень любил Гумилева, это показывал всю мою жизнь» [5. С. 89]. Он был настоящим мастером слова, подавал большие надежды. Он уже стал самостоятельным, самобытным поэтом, «был он всегда безусловно храбр и рыцарски благороден. Был он чуть-чуть вызывающим, мог даже показаться наглым, но, повторяю, был вполне рыцарем <...> Да, неслыханная это тиранья, убивающая всех, кто смеет быть самим собой» [5. С. 91].

5 октября Иванов рассказывал Альтману о Вл. Соловьеве. Прочитав стихи Иванова, философ сказал, что они «самобытны» и «оригинальны» [5. С. 96]. После этого Иванов по приезду в Петербург постоянно встречался с Соловьевым. Далее Иванов рассказывает: «Я готовился издать свой первый сборник, и он хотел написать обо мне большую статью. Но этому не суждено было исполниться. Последний раз я его видел в 1900 году за полтора месяца до смерти. Мы с ним ехали в фэотоне, и я ему сказал, что нашел название для своего сборника – «Кормчие звезды». “«Кормчие звезды», – сказал он, – сразу будет видно, что автор – филолог: «Кормчие книги». «Кормчие звезды», – повторил он, – это хорошо”. Он слез с фэотона и исчез в толпе. Больше я его уже никогда не видел» [5. С. 97].

Отдельная тема «Разговоров» – Ф. Ницше. 2 февраля 1921 г. речь зашла о немецком философе. Альтман высказался в том смысле, что тяжелая болезнь, прервавшая творчество Ницше, не дала увидеть путь, по которому он шел.

Иванов возразил, что путь этот известен – дионисийство. Ницше считал себя дионисийским поэтом, хотя не видел страстную природу Диониса; а Дионис – бог страдающий. И только в предсмертной записке он подписывается: «Распятый Дионис». Ницше учил интеллектуальной чистоте. Иванов замечал: «Все учение Ницше можно свести к двум тезисам: я не хочу быть грязным, я хочу быть чистым. И – я не хочу быть больным, я хочу быть здоровым» [5. С. 43].

Влияние Ницше на Иванова прослеживается на уровне терминологии: в «Дионисе и прадионисийстве», черновики которого читал Альтман, речь идет, в частности, об отношениях между Аполлоном и Дионисом в греческой трагедии, ведущей к катарсису [5. С. 85]. Иванов говорил, что Ницше хотел ясности, точности, чистоты стиля [5. С. 89]. Он хотел избавиться от «суеверий и ересей», найти правильную религию, стать «православным» [5. С. 89]. Конечно, поэт здесь понимал православие не в церковном смысле слова. «Православными» могут быть все поведение, вся жизнь человека.

Разговоры Иванова с Альтманом заканчиваются кратким диалогом:

– Может ли Бог создать такой камень, который не мог бы сам поднять? – спросил Альтман.

– Может, – сказал В. – этот камень есть человек, которого Бог создал и наделил свободной волей [5. С. 108].

*Литература*

1. *А.Ф. Лосев* О В.И. Иванове // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Рус. слов., 1999. С. 123–172.
2. *Тахо-Годи А.А.* Вячеслав Иванов и некоторые факты из биографии Лосева // Вячеслав Иванов – творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М.: Наука, 2002. С. 272–282.
3. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство, 1995. 320 с.
4. *Бибихин В.В.* А.Ф. Лосев о литературе вообще и о Вяч. Иванове в частности // Вячеслав Иванов – творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М.: Наука, 2002. С. 283–288.
5. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб. : ИНАПРЕСС, 1995. 384 с.